

3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T. I–IV. M.: GIINS, 1955.

4. Kudrjashova R.I. Meshhjorskije govory v Nizhnem Povolzh'e // Voprosy kraevedenija: materialy kraeved. chtenij. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1993. Vyp. 2. S. 177–181.

5. Kudrjashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. Leonid Mihajlovich Orlov – uchjonyj, uchitel', patriot (1912–2001) // Russkaja dialektologija: tradicionnye podhody i innovacionnye tehnologii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 100-letiju so dnja rozhd. L.M. Orlova / pod obshh. red. E.V. Brysinoj. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2012. S. 7–14.

6. Mirtov A.V. Kazach'i govory. Izd. 2-e, pererab. Rostov n/D.: Sevkaevniga, 1926.

7. Orlov L.M. Social'naja i funkcional'nostilisticheskaja differenciacija v sovremennyh russkikh territorial'nyh govorah (Opyt sociologolingvisticheskogo issledovanija na materiale donskih i volzhskih govorov): dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1969.

8. Orlov L.M. Russkie govory Volgogradskoj oblasti: ucheb. posobie. Volgograd: Izd-vo VGPI im. A.S. Serafimovicha, 1984.

9. Sever'janova A.A. Ukrainskie govory Volgogradskoj oblasti // Voprosy kraevedenija: materialy VI i VII kraeved.chtenij. Vyp. 4–5. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1998. S. 256–259.

10. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / pod red. R.I. Kudrjashovoj. Izd. 2-e, pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.

11. Solov'jov V.F. Osobennosti govora donskih kazakov. SPb.: Tip. Imper. akademii nauk, 1900. (Sb. Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti IAN. T. LXVIII. № 2).

12. Spisok naseljonnyh mest Stalingradskoj gubernii: po materialam Vsesojuznoj perepisi naselenija 17 dekabnja 1926 g. Stalingrad: Gubispolkom, 1928.

13. Suprun V.I. Ukrainskij dialektnyj arhipelag v Povolzh'e // Proceeding of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists / Ed. by St. Warchol. Vol. II. Lublin: Wyd-woUniwersytetu M. Curie-Sklodowskiej, 2003. P. 353–359.

14. Suprun V.I. Korennoe ukrainское naselenie Povolzh'ja i Podon'ja: ot pojavlenija do perehoda v status skrytogo men'shinstva // Ukrainistika v Rossii: istorija, sostojanie, tendencii razvitija: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod obshh. red. A.A. Skripnik. Kiev; M.; Ufa: Izd-vo Ufim. filiala MGGU im. M.A. Sholohova, 2010. S. 121–126.

15. Suprun V.I. Nashi kazahi // Otchij kraj. 2013. № 3 (79). S. 140–147.

16. Suprun V. Azerbajdzhancy // Otchij kraj. 2014. № 1 (81). S. 136–141.

17. Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie. Marburg, 1991.

Language situation in the Volgograd region

There is considered the ethnic and subethnic population of the Volgograd region, determined the key role of the Russian people, characterized its dialectal peculiarities, analyzed the folk speech of the Ukrainians, the Tatars who live in the region. There are found out the locations where the Kazakhs, the Azerbaijanis, the Armenians and people of other nations live.

Key words: *dialectology, dialects, Don Cossacks, clattering, full vowel reduction, assimilation and dissimilation vowel reduction, Volgograd dialectological school.*

М.Ф. ШАЦКАЯ
(Волгоград)

СИНТАКСИС ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЗАВОЛЖСКИХ ГОВОРАХ

Рассматриваются такие специфические черты синтаксиса заволжских говоров, как наличие разных видов инверсий, нетипичное употребление и функционирование связей и связочных образований, влияние определенных морфологических трансформаций на синтагматику главных и второстепенных членов предложения.

Ключевые слова: *второстепенные члены предложения, грамматическая основа, диалектология, заволжские говоры, инверсия, нормы синтагматики.*

Заволжские говоры, распространенные на территории с. Белокаменка (далее Бк.), Красный Яр (далее К.Я.) и Черebaево, в настоящее время только начинают изучаться волгоградскими лингвистами, хотя упоминание о них есть в рукописи Л.М. Орлова «Говоры Волгоградской области, их диалектная основа и современное состояние» [5] (приложение к его докторской диссертации). К ним он относит только смешанные николаевские и палласовские говоры Заволжья [Там же, с. 298–301], а говор с. Красный Яр Старополтавско-

го района ни в какую группу не включен. Первые обосновал существование указанной группы говоров В.И. Супрун, отметив, что речь жителей названных выше сел «отличается отчетливо проявляемым единообразием, которое обнаруживается на всех языковых уровнях» [7]. В нашей статье рассматривается специфика синтаксиса повествовательных предложений в заволжских говорах (заметим, кстати: особенностями русского синтаксиса, в том числе разговорного и диалектного, занимались многие лингвисты – Е.А. Земская [1], Г.Г. Инфантова [2], И.И. Ковтунова [3], О.А. Лаптева [4], О.Б. Сиротинина [6], Н.Ю. Шведова [8] и др.). Материал для нашего исследования был собран в ходе диалектологических экспедиций 2012 и 2014 гг.

Особенностью синтаксиса заволжских говоров является наличие инверсии нескольких типов. На первом месте по численности среди таких конструкций находятся двусоставные (чаще нераспространенные) предложения, в которых отмечается препозиция сказуемого по отношению к подлежащему: *И панисла я на прадажу две бадейки* (К.Я.) (*бадейка* – глиняный горшок); *Вон висит запон, гляньти (запон – фартук); (Саляркай намазала, да и прашло фсё* (К.Я.) (*салярка* – любая мазь) (здесь и далее ударный звук выделен полужирным шрифтом).

Второе место занимают односоставные предложения, в которых группа сказуемого (дополнение + обстоятельство) стоит в препозиции к этому главному члену предложения: *Дитей в зыпки диржали тагда-та* (К.Я.) (*зыпка* – люлька для младенца); *Воду в вядрушках таскали* (К.Я.) (*вядрушка* – ведро для воды); *Куху на свадьбу насили* (К.Я.) (*куха* – пирог с рыбой); *Карзины из краснатала плили* (Бк.) (*краснатал* – красная верба); *Таусинь на Старый Новый год пают* (Бк.) (*Таусинь* – обрядовая песня.); *Купели хрястом вырубали* (К.Я.) (*хрест* – крест). В семантическом плане дополнение называет объект действия/воздействия, а обстоятельство может быть локативом (*в зыпке*), средством/инструментом (*в вядрушках, из краснатала, хрястом*), темпоративом (*на свадьбу, на Старый Новый год*).

На третьем месте – односоставные распространенные предложения с контактной препозицией дополнения по отношению к сказуемому: *Даёнку падставить и начать даить* (*даёнка* – ведро, которое использовалось для дойки крупного рогатого скота); *Саляркой намазала, (да и прашло фсё)* (К.Я.); *Нада сынку названить, (куда я телик палажыла)* (К.Я.) (*телик* – мобильный телефон); *Какурки пя-*

кут на смятани и на арбузнам миду (Бк.) (*какурки* – изделия из теста); *Теста делали, разлипёшывали* (Бк.) (*разлипёшить* – расплющить, размять, раскатать в виде лепёшки (о тесте)); *Салодик высуыши, пачистиши и жуёи* (Бк.) (*салодик* – растение со сладким корнем, солодка); *(Патом тушыли свадьбу) – тарелку били* (К.Я.) (*тушить свадьбу* – завершать обряд свадьбы).

Кроме того, встречаются и следующие виды инверсии (члены предложения названы в порядке их следования):

а) обстоятельство (чаще темпоратив или орудие), дополнение, сказуемое: *Инагда и в махрах хадили* (К.Я.) (*махры* – старая одежда); *Краткай яйца красили* (Бк.) (*кратка* – краска); *Ухватам чузуны ставили* (Бк.) (*ухват* – тряпка для держания горячей посуды);

б) дополнение, подлежащее, обстоятельство (в основном присутствуют актанты инструментального типа), сказуемое (предикатное дополнение, таким образом, расположено дистантно от сказуемого, а обстоятельство – контактно): *И ранки я травами выличила* (К.Я.) (*ранка* – язва); *А трасник мы в зембили насили* (К.Я.) (*трасник* – камыш, *зембель* – корзина с двумя ручками);

в) дополнение (может быть агентивным и пациентивным), сказуемое, подлежащее: *Униво был крик* (К.Я.) (*крик* – испуг); *Чувяки шыл чибатарь* (К.Я.) (*чибатарь* – мастер по шитью и починке обуви, сапожник);

г) обстоятельство (темпоратив или локатив), сказуемое, подлежащее: *Подли миня и лижыт утиральник* (Бк.) (*утиральник* – полотенце); *А затем был кракавяк* (К.Я.) (*кракавяк* – танец);

д) дополнение (предикатное, дистантно расположенное от сказуемого), подлежащее, сказуемое: *Папайнку я ни помню* (Бк.) (*папайнка* – ласк. папа); *Жалутки мы разлапывали* (Бк.) (*разлапывать* – очищать, измельчать);

е) постпозитивное определение: *А вон и угодник мой, (на нём Божынька стаит)* (К.Я.) (*угодник* – место под образа, икона); *Какурки сваи ф печки пикли* (К.Я.); *Бадейки дишовыи мы пакупали* (Бк.); *Тада цыплятаф завазили маниньких* (К.Я.).

ж) сказуемое в интерпозиции к зависимым от него словам – обстоятельству (оно может быть локативом или темпоративом и стоять в начале предложения) и дополнению (объекту действия): *На свадьбу принасили и халоднаи* (К.Я.) (*халоднае* – окрошка с рыбой); *Нидалечка жьыла ана ат миня* (К.Я.) (*нидалечка* – неподалёку); *Тут я хадила с мамайнкой* (Бк.) (*мамайнка* – ласк. мама);

з) дистантное расположение главных членов предложения: *Дед сейчас чинит бассейку* (К.Я.) (*бассейка* – емкость для полива); *Первый быстра из миня как выскачит* (К.Я.) (*выскачить* – родиться); *Мы гейшу ни насили, бауа-тыи – да* (К.Я.) (*гейша* – зимняя одежда, полубубок); *А я хадил а ей памагала тама* (К.Я.).

О.А. Лаптева, характеризуя особенности синтаксиса устно-разговорной разновидности речи (в том числе и диалектной), отмечает, что ее словопорядок «выступает в двух основных функциях – в соответствии со свободным характером расположения членов в русском предложении он выражает актуальное членение высказывания и, кроме того, является одним из формальных элементов типизированных конструкций. В обоих случаях он основывается на трех принципах: 1) стремление к инициальному (или препозитивному относительно других информативно значимых членов) расположению информативно наиболее значимого члена; 2) добавление в конце высказывания информативно мало значимого члена, отсутствующего в первоначальных коммуникативных установках высказывания; 3) ритмический организованное чередование ударных и безударных звеньев» [4, с. 184].

Итак, действие первого принципа мы наблюдали при рассмотрении видов инверсии, встречающихся в заволжских говорах. Второй принцип связан со спецификой функционирования связок. Глагол *быть* и в качестве вспомогательного глагола, и в качестве полнозначного часто располагается в конце предложения, кроме того, в составном сказуемом он рокируется с именной частью: *Дошки плюшывыи тоже были* (Бк.); *Дошка плюшывая была, бархатная, чорнинькая, выхадная* (К.Я.) (*дошка* – короткая женская шубка); *Там ищѐ дубова грива была* (Бк.) (*дубова грива* – возвышенность); *Казахи делали, они ж чабанами были* (К.Я.) (*казах* – казак); *Адяля канѐваи была* (К.Я.) (*адеяля кан(ь)ѐвое* – тканевое одеяло); *Ой, пуплят сколька была!* (К.Я.) (*пуплята* – маленькие огурцы); *Агурец рябчик у нас был* (К.Я.) (*рябчик* – широко известный сорт огурцов небольшого размера с пупырышками).

Чистая связка *это* часто встречается в стяженной форме: *Бадейка – эт из глины* (Бк.); *Чортава кожа – эт ткань така* (Бк.); *Арба – эт тилега с ришоткай* (Бк.); *Затируха – эт мука тѐртая* (К.Я.); *Пагребница – эт диривяный сарай с погрибам* (Бк.); *Сталешник – эт скатерть дишовинькая* (Бк.); *Фура – эт тилега любая* (Бк.); *Ход – эт яцик ваеный* (К.Я.).

В заволжских говорах местоимение/союзное слово *который* приобретает нехарактерную для него функцию связки: *Дом саманный*

– из глины и саломы каторый (К.Я.); *Насава шаль – эт малинькая каторая* (Бк.).

Конечно, формирование предложения в разговорной речи ведет за собой и явления другого порядка – морфологического. Так, у собственно собирательных существительных наблюдается утрата категории ед. ч. – *приходили вся маладѐи, все маладѐи* (К.Я.), что отражается в нарушении нормативного согласования сказуемого с подлежащим. Эта тенденция оказывает влияние и на конкретные существительные, провоцируя у них развитие значения собирательности и, как следствие, рассогласование в грамматической основе: *Та вон лежыт стаканья* (К.Я.) (*стаканья* – мн. от стакан); *банда налители* (К.Я.).

В результате утраты категории среднего рода и перехода имѐн существительных среднего рода в мужской род (глагольная форма при этом принимает форму мужского рода, а прилагательное сохраняет средний род) также отмечается нарушение норм синтагматики: *Красный Сяло наш затанул. Малако селси. Карытачка был. Красный Яр был большое-та сяло* (К.Я.).

На уровне предложения отмечается также изменение и других морфологических характеристик слов:

1) переход существительных 3-го склонения в 1-е: *Фсю жызню работала* (К.Я.);

2) флексия *-ов/-ев* у существительных множественного числа (как в ударной, так и в безударной позиции) заменяет нормативные варианты: *Братов, игрушков, курѐшков, операциев, родителей* (К.Я.); *Без косточков* (Бк.);

3) в Р.п. замена флексии *-а* у существительных женского рода 2-го склонения на окончание *-е* (как у существительных 3-го склонения с нулевой флексией): *у свиные, у снахе* (К.Я.); *В двире* (в двери) (Бк.);

4) окончания Т. п. *-ами* (в субстантивных склонениях) перешло в *-ими*, а флексия *-ом* (в адъективном склонении) перешла в *-им* в основах на заднеязычный согласный: *в Волжским, с гармошкыми, с желудкыми, палками, сеткыми, суткыми* (К.Я.), *ручинькими, на этим* (Бк.);

5) окончание *-и* у существительных 3-го склонения в П.п. переходит в *-ѐ* – *на пиче* (на печи), *на цыпе* (на цепи).

Как показало проведенное исследование, специфику синтаксиса повествовательных предложений в заволжских говорах составляют следующие черты:

1) наличие инверсии (по нашим данным, соотношение предложений с прямым и обратным порядком слов – 2:3) разных типов как в двусоставных, так и в односоставных предложениях,

что обусловлено инициальным расположением наиболее информативно значимых слов;

2) связочные образования из-за своей малой значимости располагаются в конце высказывания;

3) нетипичное употребление относительно местоимения *который* в связочной функции;

4) стяжение связки *этом/эта/это/эти*;

5) происходящие на уровне высказывания морфологические изменения в заволжских говорах (перераспределение слов по склонениям в связи с утратой категории рода, редукцией собирательности, изменением падежной парадигмы) приводят к трансформации в области синтагматики как главных, так и второстепенных членов предложения.

Список литературы

1. Земская Е.А. Русская разговорная речь / под ред. М.В. Китайгородской, Е.Н. Ширяева. М.: Наука, 1981.
2. Инфантова Г.Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи. Ростов н/Д.: Рост. гос. ун-т, 1973.
3. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976.
4. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: Едиториал УРСС, 2003.
5. Орлов Л.М. Говоры Волгоградской области, их диалектная основа и современное состояние: лингвогеографический очерк с приложением диалектологического атласа. Т. II (Рукопись). Волгоград, 1969.
6. Сиротина О.Б. Порядок слов в русском языке. М.: УРСС, 2014.
7. Супрун В.И. Заволжская группа русских говоров: фонетический уровень // Грани познания. 2012. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/25>.
8. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: АН СССР, 1960.

* * *

1. Zemskaja E.A. Russkaja razgovornaja rech' / pod red. M.V. Kitajgorodskoj, E.N. Shirjaeva. M.: Nauka, 1981.

2. Infantova G.G. Oчерki po sintaksisu sovremennoj russkoj razgovor-noj rechi. Rostov n/D.: Rost. gos. un-t, 1973.

3. Kovtunova I.I. Sovremennij russkij jazyk. Porjadok slov i aktual'-noe chlenenie predlozhenija. M.: Prosveshhenie, 1976.

4. Lapteva O.A. Russkij razgovornyj sintaksis. M.: Editorial URSS, 2003.

5. Orlov L.M. Govory Volgogradskoj oblasti, ih dialektnaja osnova i sovremennoe sostojanie: lingvogeograficheskij oчерk s prilozheniem dialektologicheskogo atlasa. T. II (Rukopis'). Volgograd, 1969.

logicheskogo atlasa. T. II. Rukopis'. Volgograd, 1969.

6. Sirotinina O.B. Porjadok slov v russkom jazyke. M.: URSS, 2014.

7. Suprun V.I. Zavolzhskaja grupa russkih govorov: foneticheskij uro-ven' // Grani poznaniya. 2012. № 6 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://grani.vspu.ru/jurnal/25>.

8. Shvedova N.Ju. Oчерki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi. M.: AN SSSR, 1960.

Syntax of narrative sentences in Zavolzhsky dialects

There are regarded such specific features of the syntax of Zavolzhsky dialects as the various types of inversions, non-typical use and functioning of linking words, influence of some particular morphologic transformations on syntagmatics of the main and secondary parts of the sentence.

Key words: *secondary parts of the sentence, grammar clause, dialectology, Zavolzhsky dialects, inversion, norms of syntagmatics.*

ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

О.А. ЛЕОНТОВИЧ
(Волгоград)

ЗАПАДНЫЙ КИНОТЕКСТ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЗРИТЕЛЯ: ОПЫТ НАРРАТИВНОГО АНАЛИЗА

*Рассматриваются фильм *Enemy at the Gates* (2001 г.) и отзывы на него, представленные на русскоязычных интернет-сайтах, с целью выявить закономерности изображения Сталинградской битвы через призму западной культуры и их восприятие российским зрителем. Применение метода нарративного анализа позволило определить факторы, которые должны учитываться при создании кинонарратива о чуждой культуре.*

Ключевые слова: *Сталинградская битва, кинопост, нарративный анализ, межкультурная коммуникация.*

Нарративы в их разном воплощении (повествования историков, воспоминания очевидцев, художественная литература, кинопост и т.д.) – это основной источник, откуда мы полу-